

Мы продолжаем разговор, начатый в канун нового года ("ЭС" № 52, декабрь 1999 – январь 2000 г.), и публикуем монологи художественных руководителей, главных режиссеров и директоров театров.

Какой видится театральная ситуация в целом, каковы насущные проблемы, возникающие в конкретных городах и регионах, каковы перспективы российского театра?

Анатолий Иванов
Художественный
руководитель Воронежского
академического театра драмы
имени А.В.Кольцова

Театр уже не может оставаться таким, каким был на протяжении десятилетий, это необходимо понять. Мне всегда казалось, что если мы разрушим репертуарный театр как форму, то театр погибнет. Теперь я полагаю иначе – сейчас в большинстве театров люди вынуждены объединяться не по художественным интересам, а потому что так судьба распорядилась – и оказываются в одной труппе люди с разными интересами и ценностями, как художественными, так и человеческими. Вечно это продолжаться не может.

Я всегда был противником антрепризы, а теперь думаю: просто антреприза в том виде, в каком она существует у нас, не может быть названа формой, пришедшей на смену театру былых времен. Идет "чес" по всей России, и люди, заполняющие зрительные залы за большие деньги, сидят и думают: Господи, да что же это такое? А реклама продолжает уверять, что приехали великие артисты с великим образцом творчества. Стыдно.

Если начать собираться по интересам, может быть, в этом и окажется выход из кажущегося нам безвыходного положения, но только если задачи будут художественными. Я – режиссер, мне нравятся такие-то актеры, я с ними хочу работать, и мы сами научимся зарабатывать деньги на создание художественных произведений. Не думая ни о званиях, ни о почестях.

Жран и сцена –

Владимир Пахомов
Художественный
руководитель Липецкого
академического театра драмы
имени Л.Н.Толстого

Это, конечно, звучит несколько дико, но во всей огромной стране, почитающей своих гениев, есть только один театр, носящий имя Льва Толстого, – наш Липецкий театр. 23 февраля исполнилось 23 года моей работы здесь, и имя великого писателя было присвоено уже "на моем веку" – я обращался в Верховный Совет, в Совет Министров, и это было сделано. Мы выбрали себе имя Толстого, потому что считаем себя просветителями. Нас никогда не устраивала репутация театра, который просто ставит хорошие спектакли. Главное – научить людей с самого раннего возраста понимать, что такое искусство, привить им азбучные истины просмотра и восприятия спектакля. Мы с самого начала взвалили на себя огромную просветительскую деятельность – так называемый Липецкий детский эксперимент, о котором на протяжении этих двух с лишним десятилетий достаточно много говорилось. А сегодня...

Подходя к тому рубежу, который наступил 23 февраля, я решил, что необходимо самому ломать то, что своими же руками, душой, нервами возводил. Не хочу, чтобы кто-то пришел потом и сказал: ладно, вы поработали, а теперь давайте все начинать сначала! Я хочу здесь, в этих стенах, создать новый театр, создать не на обломках былого, а на фундаменте той традиции русского психологического театра, которую мы твердо ведем все десятилетия.

За последние полгода у нас, фактически, поменялись две трети театра – творческий состав, администрация, ли-

Что день грядущий нам готовит?

тературная и педагогическая часть. Теперь, видя наши новые спектакли, вы можете увидеть новый театр – совсем молодой, с иной эстетикой. Я рад, что в наших стенах выросла сильная, интересная актриса Елена Оленина. Закончив Школу-студию МХАТ, она вернулась в Липецк, плотно занята в репертуаре, а в конце прошлого сезона заявила о себе как об очень любопытном режиссере, поставив "Кровавую свадьбу" Лорки. Сегодня на ее режиссерском счету две детские сказки, взрослый спектакль-шоу. Все работы Олениной пользуются большим успехом у молодого липецкого зрителя. Я только наблюдаю за работой своей молодежи, помогая, в основном, своим авторитетом и "тираническим началом"...

Я мечтаю, чтобы в новый век (а 5 июня 2001 года нам исполнится 80 лет) Липецкий театр вошел обновленным, но сохранившим то лучшее, что выработано было нашей упорной работой над классикой. Это должен быть театр, который чутко прислушивается к своему времени, не угождая зрителю, а увлекая его за собой. Я знаю, что в российских городах, в нашей российской провинции каждый день с утра до глубокой ночи работают подвижники – на них и держится все в нашей жизни: культура, наука, искусство. Они работают не ради рекламы, не ради зеленых денег – ради высоких идеалов. Так работаем и мы.

Я сознательно меняю облик театра – так подсказывает мое внутреннее ощущение жизни, театрального процесса, и мне очень важно: что будет после меня? Многие мои коллеги, как мне кажется, работают с ощущением: после меня – хоть потоп. Я так не хочу и не могу. После моего ухода ничего не закончится, все продолжат те, кому сегодня 20-25 лет. А значит, буду жить и я...

Материал подготовлен
Натальей СТАРОСЕЛЬСКОЙ

7.2000.

Пахомов Владимир